

Содержание

Предисловие	5
Введение.....	8
Глава 1. О модели европейской цивилизации.....	30
Глава 2. Специфика взаимодействия христианства и европейской культуры	107
Глава 3. «Возрождение» как особенность развития европейской культуры	148
Глава 4. Дон Гуан и Дон Хуан: взгляд историка на проблему восприятия испанской культуры в России начала 19 в.	184
Глава 5. О специфике чешской реформационной культуры XV века.....	211
Глава 6. «Мировое» положение Византии и проблема ее падения.....	240
Глава 7. Позднее средневековье или Раннее новое время?	275
Глава 8. Реформация: место в истории европейской цивилизации.....	323
Глава 9. Европейские маргиналы XVII века	383
Глава 10. Первая мировая война и «закат» Европы...	434

Глава 11. История России как модель становления цивилизации.....	461
Глава 12. О некоторых аспектах взаимоотношения науки и религии в истории европейской культуры.....	489
Глава 13. Из истории европейского атеистического дискурса.....	512
Программа курса Европа как цивилизация: основные особенности цивилизационного развития европейского субконтинента.....	566
Краткий список литературы	594
Сведения об авторе	598

Предисловие

Cogito, ergo historicus sum!

Данное пособие написано в соответствии с программами различных курсов по всеобщей истории» и затрагивает отдельные проблемы и темы, связанные с цивилизационной историей Европы. Оно составлено на основе тех лекций, которые читались в течение ряда лет студентам и преподавателям высших учебных заведений Новосибирска, и дает обзор вопросов, пользовавшихся наибольшим интересом со стороны слушателей.

При подготовке пособия был учтен опыт обсуждения специалистами в области истории, философии, филологии, литературоведения, теологии и других гуманитарных дисциплин указанных проблем, возникших в последние годы. Сложность тем и определенная новизна подхода к их решению обусловила использование значительного круга источников и широкого спектра общенаучных и специально-исторических методов.

Одной из особенностей указанных курсов является рассмотрение отдельных проблем европейской культуры в корреляции с соответствующими аспектами европейской и мировой истории. Это становится особенно важным в настоящее время в связи с широко распространившимся методом мир-системного анализа, предусматривающим построение единой и максимально непротиворечивой картины развития сообщества евразийских цивилизаций. Сказанное повлияло на выбор тем для настоящего пособия.

Хотя по этой тематике уже существует достаточно обширная научная литература и в нашей стране, и за рубежом, в учебном плане она получила лишь частичное отражение. К тому же многие научные издания труднодоступны для студентов. Все это вызвало необходимость издания учебного

пособия. В нем рассматриваются важные и сложные методологические проблемы, либо все же слабо затрагиваемые в исследовательской литературе, либо до сих пор не решенные однозначно. В этом плане, как по содержанию, так и по методологии, учебное издание имеет оригинальный авторский подход. На примере тем, слабо освещенных в литературе или трудно поддающихся исторической реконструкции, студенты получают возможность ознакомиться со спецификой методов исторических и историко-культурных исследований и особенностями их методологии. Аналогичных изданий в нашей стране еще не выходило, хотя отдельные темы рассматривались в разных учебных пособиях. Данное пособие принципиально отличается тем, что опирается на широкий фактический материал и те наработки, которые сделаны в исторической и историко-культурной литературе.

Пособие также может быть использовано и при изучении курсов «История Западной цивилизации», «Философия истории», «Методология истории» на отделениях истории, а также в других вузах, где читаются аналогичные и близкие по содержанию курсы.

В данной книге берутся лишь некоторые сюжеты, иллюстрирующие специфику развития европейской цивилизации. Понятно, что все возможные аспекты и примеры собрать воедино не удастся никогда, уже хотя бы потому, что прошедшая человеческая история столь же необъятна, как Вселенная, и столь же неисчерпаема, как атом.

Данные сюжеты разрабатывались в свое время по причинам, которые к теме книги, строго говоря, не имели прямого отношения, тогда были свои причины и свои цели. Однако, собранные вместе, они все же дают возможность увидеть некоторые грани той пирамиды с бесконечным количеством плоскостей, которая именуется европейской цивилизацией. Думается, что подборка получилась интересной. Здесь затронуты и большие общецивилизационные пробле-

мы (роль христианства, модель цивилизации, феномены Возрождения и Реформации) и темы более частного характера (мировая война, восприятие российским поэтом чужой культуры). В этом случае, думается, достаточно интересной может показаться, и попытка на материале истории России показать процесс роста и самоопределения новой цивилизации.

Введение

*Все снова неясно, непросто —
Колблются чаши весов.
В глазах от имен зарябило.
Осмысливай смолкшие дни,
Но помни — что было, то было.
И как бы тебя не знобило,
Всю жесткую правду верни.*

(Ошанин Л. И. Историк.)

Сколько бы ни существовал человек, он всегда будет пытаться понять свое место и значение во времени и пространстве, что означает извечность и вечность двух таких сфер знания, как история и география. Как бы они ни назывались и как бы ни изменялись по своей структуре, они будут вечными и исчезнут разве что одновременно с исчезновением человечества.

В этом плане интерес к истории у человечества вполне закономерен и естественен. Ее можно назвать чуть ли не самым древнейшим знанием на планете. Параллельно растущему вниманию к окружающему миру изначально формировался и развивался неистребимый интерес человека к самому себе и сообществу себе подобных.

Еще в период родового строя состоялось открытие физического мира и физического времени как самостоятельных и независимых от человека констант его собственного существования. По мере появления первых «протомиров» в рамках «Осевого времени» произошло открытие исторического мира как места передвижений и деятельности племен и народов, и исторического времени как системы измерения и описания смысла их существования. Одной из первых на планете моделей истории стала ветхозаветная, которую можно назвать ярким примером существования своего рода горизонтального видения исторического процесса, когда ка-

кой-либо народ передвигается в пространстве в поисках наиболее подходящего места для проживания («Земли Обетованной»).

Средиземноморский «мир» (Римская империя) открывает социальный мир как место стационарного обитания и конвергенции сначала народов, а потом и отдельных людей. Складываются предпосылки для появления соответствующей вертикальной модели истории на материале метарегиона и мегасоциума.

Складывание «миров» (цивилизаций) в «средние века» стимулировало появление историософии как синтетической системы осмысления трех «времен», прошлого, настоящего и будущего, с позиции найденной «истины». Ее отражает трехмерная модель истории, где особенно важна роль «религии» в трактовке истории.

Кризис европейской цивилизации в эпоху «Возрождения – Реформации» спровоцировал складывание общекультурных и социальных предпосылок появления и становления историологии, как не некоего творческого осмысления истории с позиций новой «истины» и не описания исторического процесса с этих позиций, а скрупулезного и достаточно идеологизированного ее анализа. Оформилась гуманистическая трактовка как «открытие» (постановка проблемы) «загадки» истории и были заложены основы культурологического и антропологического понимания истории. В итоге стремительно распространяется представление о «человеке» как «творце истории» и стали противопоставляться «тирану» и «пророку» «герой» и «мудрец».

Просвещение открыло «народ» в качестве «творца истории». Это способствовало формированию этнополитического и мультикультурного подхода к истории. Прототипом «народа» стало «третье сословие». Шло оформление двух слоев бывшего «третьего сословия» (буржуазии и пролетариата) и разветвлялось понятие «народ».

«Буржуазная» трактовка истории стала попыткой рассмотреть исторический процесс как социальный и через взгляды и деятельность торгово-ремесленных слоев в противовес феодально-гуманистической как истории «пророков» и «героев».

Деятнадцатый век, век – «изобретатель», выступил в качестве создателя «научной» картины мира и современной европейской культурной парадигмы. Научные и социальные концепции стали определять векторы дальнейшего развития цивилизации. Это породило и их проблемное соотношение.

В этом же веке сформировалась марксистская трактовка истории как «пролетарская» и «атеистическая» попытка выстроить предельно десакрализованную и социологизированную философию истории. В этой парадигме оформились концепции «классовой борьбы» и «извечной борьбы материализма и идеализма» как основных составляющих исторического процесса, как модернизация истории или попытка создания философии истории на материале только XVIII–XIX вв.

«Вывихнутой» двадцатый век рассматривается как «осень науки». Фрейдизм и «школа Анналов» стали попытками объяснить социальные процессы ментально-физиологическими составляющими человеческой личности. Ярким явлением стал ментально-пассионарный подход Л. Н. Гумилева.

Естественно, важно и то, что история осмысливалась и изучалась на нескольких уровнях, преимущественно, трех.

На самом низшем, микроуровне описывалась жизнь отдельных людей, великих и не очень, людей так называемого второго и даже третьего плана (представителей и выходцев из социальных низов).

На среднем, мезоуровне, изучались региональные и трансрегиональные процессы (войны, история государств, отдельных сфер культуры и т. д.).

И, наконец, на наивысшем, макроуровне неоднократно предпринимались попытки понять смысл истории всего человечества.

Эти три уровня в последние тысячелетия, во многом благодаря широкому распространению феномена мировых религий и философий (иудаизм, христианство, ислам, конфуцианство) породили дополнительную форму методологической дихотомии – вертикальный и горизонтальный подходы.

Вертикальный подход зародился в самой истории фактически первым, ибо уже у самых первобытных коллективов возникла необходимость маркировать свое бытие с помощью событий и людей, через которых явственно видна была бы действенность традиций, как комплексов рецептов решения повторяющихся из поколения в поколение проблем. Это нашло неплохое отражение в словах Экклезиаста «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (1:9) или в идее следовать воле Божьей через систему заветов.

Соответственно через всю историю идут эксперименты по созданию своего рода хронологических таблиц с использованием идей «завета», «эона», «века» («средний век» гуманистов), «формации», «мир-системы». То, что мы именуем сейчас формационным подходом, существовало в разных формах. Это библейское деление Творения мира и истории на шесть «дней», периодизация по четырем монархиям, позднеантичное деление истории на «эоны», гуманистическая трихотомия (античность – средние века – новая история), современное деление истории общества на аграрное, индустриальное, информационное. Все они, так или иначе, были скомпрометированы связью с религией или идеологией (христианство, марксизм, либерализм). Сказывается и современный очередной кризис в понимании смысла истории. Ситуацию осложняют и достаточно бездумный отказ от

«вертикального» подхода и широкое распространение этнических ренессансов, требующих исторического обоснования этнонационально окрашенных парадигм.

Наиболее известен формационный подход, ярко представленный в работах «классиков марксизма-ленинизма» (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин). Он использовался в работах таких последователей марксизма, как К. Каутский, Г. В. Плеханов, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, и др., а впоследствии в той или иной форме в исследованиях Б.Э. Быховского, А.М. Деборина, Ф. В. Константинова, И. К. Луппола, М. Б. Митина, Л. Б. Алаева, А. Я. Гуревича, Р. И. Капелюшниковой, В. Л. Иноземцева, Т. И. Ойзермана, Ю. И. Семенова и др. История рассматривалась ими как цепь «общественно-экономических формаций», представляющих собой совокупность производственных отношений, производительных сил, политического строя и общественных связей. Каждая новая формация созревает в недрах предыдущей, но впоследствии сменяется другой. Каждая из них представляет собой более высокий уровень общественной организации. Смена их происходит вследствие неизбежно возникающего конфликта между производительными силами и производственными отношениями, основными составляющими экономического базиса. Насильственное разрешение этого конфликта путем революции приводило к существенным изменениям в надстройке (государство, политические и общественные институты). Все конкретные общества, имеющие один и тот же тип производственных отношений, несмотря на все свои различия, были отнесены к одной и той же ступени исторического развития. Таких стадий К. Маркс насчитал пять – первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая. Как писал И. В. Сталин, «Истории известно пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабства

дельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический».

В классических вариантах формационного подхода ярко проявляется принцип европоцентризма. Еще французские просветители основывали свое видение всемирной истории на идее иерархии культур и цивилизаций. Таковы концепции Вольтера, Гердера, которые рассматривали совокупный вклад различных народов в развитие той культуры, которая зародилась на европейском субконтиненте. У Гегеля его идея всемирной истории прямо опиралась на этот принцип, ибо только в Европе мировой дух достигает самопознания. Предельно и бескомпромиссно он нашел отражение в учении К. Маркса.

Именно этот принцип органично впитал в себя ряд базовых идей:

- предпочтение иудео-христианской традиции,
- восприятие западной культуры как продолжения античной цивилизации,
- утверждение, что вся современная культура во всех ее проявлениях создана только западной цивилизацией,
- объявление капиталистической экономики «естественной», основанной на «законах природы»,
- восприятие «стран третьего мира» («развивающихся») «отсталыми», которые должны «догнать» страны Запада.

В то же время именно европейская цивилизация, как самая динамичная, создала единственную на сегодняшний день универсальную историческую парадигму и к ней надо прислушиваться, тем более, что она все еще неплохо работает. Так или иначе ее приняли все цивилизации!

Одним из первых подверг критике этот принцип Н. Я. Данилевский, предложив в своей книге «Россия и Европа» (1869) свою теорию культурно-исторических типов, и противопоставив стареющей Европе молодую и энергичную

восточноевропейскую, славянскую цивилизацию. Активно критиковали европоцентризм евразийцы.

Активно используется этот принцип для обоснования превосходства Запада в наше время. Американский социолог Ф. Фукуяма предложил говорить о «конце истории», когда, по его мнению, именно Евроамериканская социокультурная модель является самой оптимальной в истории человечества. Звучит это у него достаточно трагично: «То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров "Форин Афферз" по международным отношениям будут пустовать, – ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит в конечном счете мир материальный...

Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, – вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала. Какое-то время эта ностальгия все еще будет питать соперничество и конфликт. Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее севе-

роатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?».

В то же время, надо признать, взаимодействие цивилизаций ныне идет сложно. Человечество, хотя мы этого еще не понимаем даже отчасти, является единым организмом. Растущие связи между отдельными, столь непохожими друг на друга и разбросанными на гигантские расстояния друг от друга, частями только укрепляют это единство и все яснее проявляют его.

Может быть, доказать это единство пока сложно и, в значительной степени, оттого, что сама эта мысль противоречит так называемому здравому смыслу и тому, что мы наблюдаем в реальности.

Однако, если мы примем ее хотя бы даже в качестве гипотезы, а уж для этого-то какие-никакие основания есть, мы должны рассматривать историю не на уровне отдельных атомов (великие или малые люди), клеток (семей или родов), молекул (племен или государств). Надо увидеть в этом целое и цельное.

Понятно, появляется неизбежный соблазн увидеть в человечестве модель человека как такового. Возможно, вначале это и надо сделать, хотя бы для понимания возможности и перспективности этой операции. И для того, чтобы избежать опасности увидеть в том или ином отряде человечества «голову», «мозг» или «сердце» всех людей.

Пока в этом абрисе видится некий трансформер, части которого могут в зависимости от обстоятельств «по очереди» играть эти роли.

Рубеж II–III тыс. н. э. ознаменовался особой ситуацией в межцивилизационных и межкультурных отношениях евразийского сообщества. Взаимодействие цивилизаций («миров»), сложившихся в предыдущем тысячелетии, усиливается в рамках четко обозначившегося процесса глобализации как

интеграции рас, народов и их культур в невиданный доселе экономический и культурный конструкт. Если во II тыс. это взаимодействие оценивалось негативно и на первый план выдвигались события и процессы, связанные с военно-политическим и культурно-религиозным противостоянием Европы и тех «миров», которые приходили с ней в соприкосновение («Реконкиста», «Крестовые походы», «Натиск на Восток», «Завоевание Америки», «Завоевание Азии» Чингизидами), то в этот критический период явственно видны два момента. С одной стороны, иногда излишне категорично подчеркивается культуртрегерская деятельность цивилизаций (вновь возобновившиеся споры о том, откуда «идет свет» – с Запада или Востока, «покаянная литература», подчеркивающая особую роль ислама в развитии европейской цивилизации, особо значимая «евразийская» роль России, «исключительная» роль в евразийской истории тюркской культуры, европейский вариант развития как «магистральный путь» для всего человечества). И как следствие этого усиливаются информационные войны, в частности, «холодная война» между «капитализмом» и «социализмом». События 11 сентября 2001 года показали, что эти войны легко могут перерасти в «горячие». В условиях глобализации, идущей одновременно в двух формах, интеграционной и гегемонистской, неизбежны цивилизационные ренессансы, призванные сохранить и усилить ту или иную цивилизационную парадигму.

С формационным подходом к истории как вертикальным в последние два столетия активно соперничает цивилизационный подход, пытающийся смотреть на человеческое бытие «по горизонтали». Зародился он еще в античные времена, когда слово «civis» противопоставлялось понятию «silvaticus» (лесной, дикий, грубый). Он резко активизировался в современной ситуации густонаселенного, если не сказать, перенаселенного мира, когда цивилизацию XXI века стали вос-

принимать как принципиально единую и очень широко распространялся. Его основателей (Н. Я. Данилевский, М. Вебер, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби) впоследствии поддерживали и поддерживают, создавая свои вариации, очень многие: Г. Л. Морган, П. Армильс, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Чайлд, Р. Редфилл, М. Блок, Л. Февр, Н. Элиас, Ш. Энзенштадт, Б. С. Ерасов, В. Л. Иноземцев, И. Н. Ионов, И. Д. Ковальченко, Л. И. Новикова, В. М. Хачатурян, Я. Г. Шемякина, Е. Б. Черняк, В. Ж. Келле, Ю. К. Плетников, Э. А. Поздняков, Л. И. Рейснер, В. Н. Студенцов и др.

Термин «цивилизация» стал многозначным, на сегодняшний день существует около 200 определений этого понятия.

«Цивилизация» как понятие активно введено в общественный и научный оборот с XVIII в. Сначала оно трактовалось как обозначение определенной стадии развития общества, следующей за дикостью и варварством, и уровня нравственного развития человечества.

Одним из первых термин «цивилизация» в научный оборот ввёл философ Адам Фергюсон, имевший в виду определенную стадию в развитии человеческого общества (дикость — варварство — цивилизация). Люсьен Февр в своей работе «Цивилизация: эволюция слова и группы идей» считал, что впервые в напечатанном виде термин появился в сочинении французского инженера Н. А. Буланже «Древность, разоблачённая в своих обычаях» (1766). П. Гольбах использовал термины «цивилизация», «цивилизовать», «цивилизированный» в своих работах «Система общества» и «Система природы». В 1798 г. он впервые попадает в «Словарь Академии». Швейцарский историк культуры Жан Старобинский приписывал термин «цивилизация» Виктору Мирабо («Друг человечества», 1757).

В основе классического цивилизационного подхода тоже лежит несколько базовых идей:

- Объектом исследования не является только социальные или экономические процессы, а общество людей во всей своей совокупности,

- Очень большой акцент делается на человеке, который тоже рассматривается всесторонне,

- Все сферы жизни, включая не только экономику, но и политику, мораль, религию и т. д., рассматриваются как равнозначные.

Стоит отметить, что впервые он максимально универсально был выражен в средневековых сочинениях, где речь шла о различиях между существовавшими тогда «мирами». Особенно хорошо это видно в сочинении Ибн Халдуна «Мукаддима», содержащем аналитическое описание геополитической ситуации в Евразии. Автор не сравнивает не ислам и другие религии, разные течения в исламе, а именно земледельцев и кочевников, как две «прогрессивный» и «регрессивный» варианты развития. Строго говоря, в этом случае цивилизационный подход нужен как апофатический, чтобы не понять другой «мир», а обосновать преимущества своего, найти у себя то, чего нет у других.

Внешне формационный и цивилизационный подходы противоречат друг другу, поскольку базовой идеей первого является признание единства человеческой истории и ее прогресса, а второго – отрицание этого. Цивилизационисты достаточно решительно отрицают детерминизм как фактор исторического и социального процесса. Кроме того, формационная теория рассматривает общество «снизу», с материального производства, а различные цивилизационные концепции анализируют его «сверху», с культуры в самом широком смысле слова.

На самом деле, видимо, надо учитывать, что это два необходимых для истории подхода – по вертикали (формационный) и горизонтали (цивилизационный). В статике преобладает формационный, на исторических стыках – ци-

визационный. При анализе исторического материала надо сочетать оба.

В настоящее время, после ряда работ (Ибн Халдун, Н. Я. Данилевский, К. Маркс, Ф. Энгельс, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби, Ш. Эйзенштадт, К. Ясперс, Л. Н. Гумилев, Б. С. Ерасов и др.) цивилизации понимаются как крупные целостные социокультурные системы со своими закономерностями, пространственно – временные культурно-экономические континуумы («миры»), форма существования отдельных массивов человечества в определенных пространственно-временных рамках. В трудах Данилевского, Шпенглера, Тойнби и Сорокина были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций. Сложился цивилизационный подход к истории. В начале XIX в., в ходе становления мировой колониальной системы (по сути, это первая волна «глобализации») возникла даже «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа – своя цивилизация.

Центральным здесь является понятие «цивилизация», которое последние полвека «хранилось где-то на задворках нашего коллективного сознания». В настоящее время оно имеет два основных значения – стадияльное и локальное.

Появилось это слово в рамках Просвещения и начало искать свой аутентичный смысл. Естественно, оно могло появиться только в первом значении и сначала под «цивилизацией» понимался наивысший уровень развития, именно этот смысл и был инициативным, первичным. Европейская культура в эйфории от удачи в складывании нового культурного синтеза, именно его и обозначила как тот уровень общественного развития материальной и духовной культуры, связанный с разделением труда, рационализацией производства, потребления и распределения, формированием гражданского общества, к которому и должны стремиться все народы планеты. Именно так трактовал это понятие один из

«poetes maudit» («проклятых поэтов») А. Фергюссон («Опыт истории гражданского общества», 1768), а впоследствии Л. Г. Морган и Ф. Энгельс. Л. Г. Морган в своем «Древнем обществе» (1877) разработал лишь две первые стадии, разделив каждую из них на три ступени (низшую, среднюю и высшую) и выделив признаки, характеризующие эти ступени. Цивилизации он фактически не касался.

В работе Ф. Энгельса «Происхождение, семьи, частной собственности и государства» (1884) трехчленная периодизация истории человеческого общества превращается в двухчленную (дикость и варварство). Эта периодизация существует до сих пор

Освальд Шпенглер в своем известном сочинении «Закат западного мира» (*Der Untergang des Abendlandes*, 2 тт., 1918-1922) развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов», выражающих коллективную «душу» народа и проходящих определенный жизненный цикл, длящийся около тысячелетия. Этих культур или, точнее, «органических» культурно-исторических типов восемь: египетская, индийская, вавилонская, китайская, аполлоновская (греко-римская), магическая (византийско-арабская), фаустовская (западноевропейская) и майя. Девятая – культура будущего, русско-сибирская. По его мнению, умирая, культура перерождается в свою противоположность – цивилизацию и умирает. Это была практически первая теоретическая разработка периодизации по трем периодам как стадиям развития: дикость, варварство и цивилизация, что свидетельствовало и о возникновении определенной классификации социально-исторических организмов и их достаточно четкой типологии, причем как типологии стадияльной. Это можно назвать первой нововременной концепцией мировой истории.

Появление такой трактовки понятия объясняется широко распространившимися в конце XIX в. пессимистиче-

скими настроениями в отношении будущего Европы. Достаточно вспомнить ленинское учение об империализме как стадии загнивания капитализма. На самом деле начинался невиданный доселе по своим масштабам процесс, получивший впоследствии название глобализации.

Устами О. Шпенглера «цивилизация» была обозначена как период агонии европейской культуры. Ф. Ницше торжественно объявил о смерти Бога, а К. Маркс вообще объявил его несуществующим. По инерции с судьбой культуры связывали именно религию и ее уход воспринимался как момент смерти культуры в целом.

Это примеры крайностей, в которые общество попадает, когда впервые начинает работать с такого рода понятиями. Одновременно все же стали появляться достаточно оптимистические представления о сложном развитии культуры. На протяжении того же XIX в. в цивилизации стали видеть не только высший уровень развития культуры или стадию агонии, но и своеобразный исторический феномен.

Здесь определенную роль сыграл дарвинизм со своей сущностной ревизией библейских представлений о единовременном творении всего сущего. В определенном смысле теория Дарвина была перенесением на животный и растительный мир, а оттуда и на историю, идеи капиталистической экономической конкуренции. Мощное развитие получила и сама идея эволюционизма. Начиная с издания труда Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) эволюционизм фактически полностью сменяет креационизм и начинает играть его роль в развитии культуры, являясь методологической базой всех типов наук. Сторонники «замкнутых цивилизаций» фактически считали, что их может быть сколько угодно и «каждая культура находится в непосредственной связи с Богом» (Л. фон Ранке). В начале XIX в., в ходе становления мировой колониальной системы (по сути, первой волны «глобализации») возникла

даже «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа – своя цивилизация.

Г. Рюккерт в своем «Учебнике всемирной истории в органическом изложении» заявил, что «историческая действительность не может быть логически правильно расположена в виде одной линии». Любопытно, что именно в России фактически рождается представление о цивилизациях как пространственно-временных конструкциях. Это теория «культурно-исторических типов» как «действующих лиц истории» Н. Я. Данилевского. Он предложил, правда, тоже отталкиваясь от своей критики общечеловеческой культуры, концепцию культурно-исторического типа, состоящего из четырех основ: религия, культура (наука, искусство, техника), политика, общественно-экономический уклад. А «ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу».

Это российские востоковеды первой половины XIX в. (Н. Я. Бичурин, архимандрит Петр Каменский, М. Н. Суровцов). Это Т. Н. Грановский. Однако наиболее четкое и аргументированное выражение такой подход нашел в работах Арнольда Тойнби. Его 12-томный труд «Постижение истории» (A Study of History, 1934-61) посвящен анализу возникновения, развития и умирания мировых цивилизаций. Тойнби выделял 21 цивилизацию, для которых характерны уникальные универсальные религии, мировые государства и философии (впоследствии – 36 цивилизаций и 5 «живых» цивилизаций третьего поколения). Цивилизация для него – это группа стран и народов, связанных общей судьбой и мировоззрением, и она противостоит примитивным обществам. Причинами роста и развития цивилизации являются «вызов» и наличие творческого меньшинства. Несмотря на то,

что в трудах различных историков и философов это понимание нашло самую широкую поддержку, его все же, по большому счету, можно обвинить во все еще сохраняющемся просветительском понимании цивилизации как самого высокого уровня развития общества.

Между тем, здесь, вероятно, точнее будет средневековое понимание «мира» (рах). На рубеже тысячелетий, который все «миры» не случайно воспринимали как знаковую веху в своей собственной и всемирной истории, закончилось образование евразийских цивилизаций («миров») по широте и сложился окончательно так называемый «пояс цивилизаций» от Атлантики до Тихого океана. Оформились «миры», которые условно можно назвать «материнскими» (христианский, мусульманский, буддийский, конфуцианский), оформлялись они с помощью идеологической экспансии, путем распространения «истины» («идите и несите всей твари на земле истину»). Именно на это обратил в свое время внимание К. Ясперс, выдвинувший идею «Осевого времени» и сделавший акцент лишь на двух параметрах этого процесса, – оформлении Текстов и появлении Учителей. В Европе завершился процесс антропогенезации вмещающего ландшафта и переход к пашенному земледелию, созданы «первый витраж, первый готический свод, первая героическая поэма» (М. Блок).

Но средневековые цивилизации – это комплексные конструкции, в рамках их зарождения и эволюции обязательно идут два процесса, – складывание не только общецивилизационной парадигмы на основе «мировой религии», но и оформление геополитической конструкции в форме «империи». Первоначальное распространение шло по освоенным ранее в рамках первых протомиров – «оазисов» пригодным землям за счет их объединения. Эти «материнские цивилизации» условно могут быть названы аграрными, ибо в них на первый план выходит земля как

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru